№ 5

4-й ГОД ИЗДАНИЯ

ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ФЕВРАЛЬ | Ленинград, Просп. 25-го Октября 88. Телефон редакции и конторы 5-49-78. | 1926 ГОД

ИЗБАЧЕВА ЖИСТЬ

Рис. А. Успенского.

За отсутствием керосина, по многих избах читальнях не ведется ник кой просветительной работы. („Звезда„ № 336)

— Ну как, тварищ избач? Беседы о пользе электрофикации ведете?
— Не! Пока что о керосиновой лампочке толкую!

СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР—СПЕЦИАЛЬНЫЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ

ПРЕДВЫБОРНАЯ КАМПАНИЯ

Очень энергично готовились к выборам и зажиточные. Они агитировали, устраивали свои совещания, тайные и явные, заранее готовили списки и т. д. В Ново-Алексеевке (Майкопского округа) „кандидаты в председатели“ поили сорокаградусной своих сторонников.

(М. „Правда“)

Н. Радлова.

Предвыборная компания.

ПОКА НЕ ПОЗДНО

Кисловодский райисполком лишил некоего Цикашили избирательных прав за применение наемного труда. Оказалось, что Цикашили вовсе не человек, а сокращенное название учреждения.

Я готов написать не один куплет
О маленьких недостатках и больших упущениях...
Помилуйте! Мы за восемь лет
Запутались в собственных сокращениях!
Хорошо, что газеты прокричали о том
И весь этот факт до дна разворошили...
Ведь если сегодня лишили
Цикашили,
То завтра могут лишить Совнарком!
Конечно, сокращения экономят труд,
Бумагу, энергию, чернила и время—
Но уже отовсюду филологи орут:
Оставьте нам несколько слов хоть на семя!
Я не склонен к панике и не подвержен нытью,
Но я не могу не предостеречь тревожно:
Товарищи! Бывает, что и понять невозможно
Иную передовую хозяйственную статью.
И когда-нибудь я сам напишу, в лаконичности:
— Цеманикаресиволеспакутон...
Поди, разберись, что это был фельетон
О быстроте обращения звонкой наличности!

А. д'Актиль.

ВЫХОД В СВЕТ

„Переводчик с английского“ Лапкин, скользнул глазами по знакомой примелькавшейся вывеске „Наша книга“, несколько секунд нерешительно потоптался, соображая—зайти или нет, и потом, с отчаянием швырнув окурок, толкнул стеклянную тяжелую дверь.

Чтобы читателю было понятно смущение, с которым вошел Лапкин, мы поясним суть дела.

Два месяца тому назад Лапкин продал издателю Сморгонскому, владельцу „Нашей Книги“, перевод английского романа.

Роман был забористый, с заманчивым названием—„Дорога Любви“, и поскольку в нем не было ни пол-слова о международном положении или, например, о преимуществах многополья над трехполкой,—Лапкин не рискнул осчастливить этой книгой Госиздат и сунулся к ближайшему частному издателю.

Частный издатель,—поскольку в романе, взамен многополья оказалась любовь на протяжении трехсот страниц, да еще не наша будничная обывательская любовь, а жгучие переживания под знойным небом Австралии“,—охотно взял роман для издания, расчитывая на хороший прием у вас, уважаемые читатели.

Но, увы!—расчеты не оправдались: книга, как говорится, не пошла.

А вы знаете, какими симпатичными глазами смотрит в этом случае издатель на автора?

Лапкин это хорошо знал, и он с радостью заплатил бы сто рублей за то, чтобы не встречаться со Сморгонским.

Ей-богу, он не задумываясь бы отдал эти сто рублей; но сейчас ему до-зарезу нужно было раздобыть хоть пятерку в счет гонорара за роман.

Поэтому-то, войдя в магазин, он словно тень, скользнул мимо прилавка в кабинет издателя, стараясь поскорее скрыться с глаз продавцов которые тоже не любят залежавшихся книг.

Сморгонский сидел за столом, уткнувшись в бумагу.

— А, это вы?—боком покосился он на Лапкина:—прямо зарез с вашей книгой: лежит и лежит, как паралитик. Сделал я себе дельце, нечего сказать!

Это было не ново для Лапкина: каждый раз менялись слова, но все они были одинаково неприятны, и суть была одна и та же: книга не идет.

Лапкин присел на стул и смущенно теребил свежий, еще нечитанный номер „Вечерней Газеты“.

— Вы знаете—вдруг оживленно сказал Сморгонский:—если вы когда нибудь будете издателем и если вам принесут такой дурацкий роман, так вы гоните его в шею. Вот! О! Замечательная вещь, находка для читателя! С руками оторвут! Хорошенькая находка, которую ни один паршивец не хочет брать. А почему? Разве я знаю, почему? Разве человек переменился со своей шкуры? Почему же раньше какой нибудь „Ключ счастья“ Вербицкой делал тираж?

— Может быть, дело в рекламе?—неуверенно предположил Лапкин, соображая с грустью, что, пожалуй, надежды на пятерку—тщетны.

— В рекламе? А что же я должен делать? Может быть, напечатать в „Известиях“: „ах что за удивительная книга! На каждой странице—так, прямо, кто нибудь падает на пышную грудь“... Нет, извиняюсь!—теперь не те довоенные времена—теперь с грудью—осади назад. Так зачем же я вложил в эту грудь деньги? Зачем я выпустил шесть тысяч экземпляров, по рублю, на лучшей бумаге и в обложке с рисунком? Что?

— „Нет, и думать нечего—просить денег“...—уныло резюмировал просебя Лапкин:—„Пропащее дело... Не даст“...

— Если бы послать книгу в редакции газет—для отзыва...—сказал он: Ведь есть же в газетах отделы библиографии... Вот хотя бы в „Вечерней“...

Сморгонский досадливо отмахнулся.

— А! Или вы не знаете, что там пишут? Там же идеологический подход: „книгу усиленно рекомендуем рабочему читателю“. Так это же с ума сойти можно, если про мое издание напишут такое! Какой же обыватель вложит рубль по такой рекомендации?! А вы знаете, что мне нужно от газеты?

Сморгонский вдохновенно вырвал газету из рук Лапкина.

— Мне нужно, чтобы здесь.. (—он развернул газету—) на самом видном месте, с черным по белому было напечатано: „какая гнусность! Какую замечательную пищу преподносят наши издатели рабочим! Посмотрите на этот неприличный роман „Дорога Любви“, прочтите вот эту выдержку“... Что?!!

Сморгонский быстро наклонился к газете, затем вскочил и поднес газету к самому носу.

— „Вот эту выдержку: «я прильну устами к твоему благоуханному телу, я обожгу тебя“...—вполголоса, скороговоркой, как будто не веря глазам, продолжал он уже по-настоящему читать напечатанное в газете, перескакивая через фразы: ... «Ты будешь вся моя, — с ног до головы... Нужно ли это рабочему?... пережиток... бульварное чте...“ Ой, вот оно: „такие романы, как „Дорога Любви“, мы считаем безусловно вредными: и не рекомендуем читателям»... Вот!..

Сморгонский торжественно сел в кресло и хлопнул ладонью по-столу.

Лапкин еще не понимал,—что произошло.

— Ну, вот. Теперь можно говорить спокойно,—сказал Сморгонский, аккуратно разглаживая газету, словно смятый червонец:

— Вам, наверно, надо денег? Пятьдесят хватит? Хорошо-хорошо. Я вам дам даже шестьдесят. В счет второго издания.

— Второго издания?—вытаращил глаза Лапкин.

— Конечно, второго. Когда раскупают первое, так выходит второе! Теперь уже я вам могу сказать, как опытный издатель: книга пойдет. Даже больше: книга побежит к читателю нарасхват!

Иван Прутков

ТАКОЕ ВРЕМЯ

Рис. В. Лебедева

Наконец-то, Кривду потянуло на „Правду“.

ЛЮБОВЬ ИЗБАЧА

Собираются соседки
На беседки
К избачу.
На беседки к избачу,
К Филимону Лукичу.

Филимон Лукич Верзила
От беседок сам не-свой:
Больно сердце занозила
Настя с русою косой.

Не запрячешь душу в снасти,
К сердцу латки
Не пришьешь,
Ну а с Насти
Взятки—гладки,
Без венчанья не возьмешь...

Если б в ЗАГС'е,
Да по таксе,
Окрутился б как нибудь,
А с кольцами,
Да с венцами!..
Я идейный—не забудь!

Вот и любятся глазами,
А „серьезно"—не начать..
И.. подмочена слезами
Вся советская печать!..

Мих. Андреев

ДЕТСКОЕ

— Кыш, вы! Эту картину „Женщина с леопардами" несовершеннолетним смотреть нельзя!..

— Допусти, дяинька! Мы на женщину то и глядеть не будем: нам бы только леопардов посмотреть!

ТРОЙНЯ

У Авдотьи Кукшиной родилась тройня.

Происшествие это сразу и надолго всколыхнуло деревню Загогулье и решительно отодвинуло на задний план все происшествия, волновавшие до этого времени загогулинские умы.

В особенности, волновалась женская часть загогулинского населения. Бабы собирались кучками и, многозначительно поджав губы (признак сочувственного и серьезного отношения к делу), выслушивали разнообразные соображения опытных и авторитетных односельчанок.

В общем, бабы были единодушны, оценивая событие, как видимое пророчество каких-то необычайных явлений в жизни Загогулья в ближайшее время

Единодушно было почему-то и негодование по адресу Ефима Кукшина, мужа счастливой роженицы.

— Хоть бы один кобель раз родил, посмотрел бы, как сладко,—негодовали бабы,—шутка ли трех-то родить... Чай, не кошка...

— Знамо дело, не кошка,—подтверждали другие,—тяжолая наша должность, бабочки.

Вспоминали подобные случаи в прошлом, и бабка Селиваниха захлебывающимся шопотом рассказывала, как перед турецкой войной в каком-то селе у кого-то родилось сразу четверо ребят.

Впрочем, гвоздь рассказа был не в количестве новорожденных, а в их качестве, так как, по словам Селиванихи, у ребят были разные головы:

— У одного овечья, у друго о человечья, у третьего телячья, а у четвертого свинячья.

Словом, разговоров было немало.

Но волновало это происшествие не только баб.

Поп Викентий, впервые столкнувшийся с таким случаем, был в полной растерянности, не зная, как быть с крестинами.

Конечно, за крестины существовала определенная такса, установленная колдоговором верующих с причтом, но вопрос осложнялся тем, что хотя новорожденных и было трое, но были они дети одних родителей, а, главное, было неясно: будет ли по одному лицу, в качестве кума и кумы, или же на каждого младенца будет своя пара.

При последнем варианте дело устраивалось как нельзя лучше: каждый кум платил бы за своего младенца; если же кум будет один, то вряд ли он согласится оплачивать крестины в тройном размере.

Волновалась и молодежь. Зная отца тройки, который держался твердого убеждения, что религия не только „опиум", но и „обжор" народа, комсомольцы усиленно готовились к октябринам.

Наибольшие дебаты вызвал вопрос об именах.

Злостно был высмеян Ванька Смугин, предложивший назвать ребят тремя разными именами: Сов, Нар и Хоз.

Тщетно доказывал Ванька, что Нар Ефимович звучит вовсе уж не так плохо. Энергично вытянутые вверх руки отвергли предложение. В конце концов, порешили вопрос об именах отложить и заняться разработкой программы вечера.

Надо было торопиться, так как, известное дело, тройни не живучи

Но эта тройня была живуча, и ребят торжественно октябрили в школе, назвав,—в качестве тактической уступки мелкобуржуазной идеологии бабки Тихоновны, матери роженицы,—всех троих Кимами (это имя, из всех предложенных, наиболее походило на божеское имя Аким).

На этом событие не закончилось. Через две недели после родов на вислоухой кляче дяди Ермолая в Загогулино прибыл человек с черным ящиком и заявил, что он приехал снимать мать и рожденную ею тройню.

Мало того: он привез московскую газету, где была помещена заметка о загогулинской тройне.

События наростали, как снежный ком. Человек с ящиком сообщил, что завод „Знамя Коммуны", под шефством которого состояло Загогулье, шлет привет матери и младенцам, а вместе с приветом подарки.

Всем ребятам было привезено „приданое" матери ботинки, платок и шерстяной отрез на платье, отцу же—сапоги, пиджак и брюки.

Бабы заходили к Авдотье в избу, щупали материю и ботинки и завистливо вздыхали, так как с обувью и мануфактурой в Загогулье дело обстояло плохо.

Муж Алены Назаровой, родившей два месяца назад двойню, недовольно косился на жену.

Бабы, которые были на сносях, мечтательно вздыхали и волновались. Наиболее нетерпеливые бегали к бабке-повитухе и требовали определить возможный максимум младенцев.

Ефим Кукшин, недовольный вначале появлением трех лишних ртов, после появления человека с черным ящиком положил гнев на милость.

— Что ж,—рассуждал Ефим,—назад их не загонишь. Пущай живут. А тут, по крайности, обулся, оделся и бабе в почете. Патрет в журнале.

Впрочем, последнее утешение длилось не долго.

Придя как-то вечером в избу-читальню полюбоваться на Авдотьин портрет, Ефим по обыкновенью выразил вслух свое удовольствие:

— И здорово схожа стерва. Специально печатают, дуй их скрозь горой...

— Да уж умеют,—подтвердил избач Иван Тимофеевич,—ныне новую бабу прислали...

— Какую бабу?

— Четверых враз родила. Тоже портрет. Сибирская какая-то ..

Ефим перестал ходить в читальню.

Он начал хмуро поглядывать на ребят и придираться к жене.

Однажды Ефим пришел растроенный и, услыша ребячий писк, крикнул:

— Ткни им, пискунам-то твоим, соску.. Одолела, окаянная сила... Жрут да орут, только делов...

Авдотья заплакала.

— И вовсе они не мои, а таки ж, как твои... Сапоги-то получать твои, а кормить—пискуны...

Ефим откусил кончик цигарки, злобно выплюнул его на пол и сказал:

— Сапоги!.. Иди в кооперацию... Эва, сколько сапогов-то навезли и в кредит, главное... Без твоих патретов обошлись бы... Рожать тоже с соображением надоть!..

И вышел из избы.

Р. Волженин

МАТЕРИНСТВО И МЛАДЕНЧЕСТВО

Рис. Б. Малаховского.

— Ты чего ругаешься? Проваливай сейчас-же!
— А я, мать твою за ногу, еще и ходить не умею!

ИВАНОВ ПЕРВЫЙ и ИВАНОВ ВТОРОЙ

(Из хозяйственных парадоксов современности)

Во многих городах Украины, по постановлению Исполкомов, запрещена продажа очищенной в фаб-зав. районах.

(Из газет).

Эту простейшую об Иванове повесть
Примите, читатель, не на страх, а на
совесть!

I.

Я до жутких стихов и поэм не охотник,
Умерьте, граждане, гнев и восторги...
Жил-был Иванов, большой проф-работник,
И жил-был Иванов, работник в Винторге—
Иванов перый и Иванов второй.
И оба стояли горой
За повышенье производительности труда,
Но беда:
Я до жутких стихов и поэм не охотник,
Уважаю кооперацию, обожаю госторги,
Но... Иванов первый был большой проф-работник,
А Иванов второй работал в Винторге!..
Иванов первый раскрывал большую глотку,
Размахивал на собраниях венским стулом—
Громил, как водится, проклятую водку,
Грозил заводским прогулам.
Иванов второй жил в почете,
На хозрасчете,
Ездил на моторе Бенца,
Откалывал в делах коленца,
Давал анонсы в газете
И мечтал о многолавочной сети.
Иванов первый был худой, а второй—грузный
И шли: один—по хозяйственной линии,
А другой—по профсоюзной.
И Иванов первый, и Иванов второй
Стояли за труд горой,
Я до жутких стихов и поэм не охотник,
Уважаю кооперацию, обожаю госторги,
Но... Иванов первый был большой проф-работник
А Иванов второй работал в Винторге.

II.

Иванов первый пускал за стрелою стрелу,
Ощущая воздух, парами насыщенный...
А Иванов второй открыл склад на углу
И плакат приспособил: „Продажа Очищенной".
Иванов первый пришел в Исполком,
Раскрыл здоровенную глотку
И хвать по столу худым кулаком:
— Прикрыть близлежащую водку!
У Иванова второго скатилась слеза:
Лес рук поднялся горой—
Сорок—за,
Против—Иванов второй...
Не прошла над районом темная ночка,
Как лавку прикрыли и—точка.

Я слышу клики слева и справа:
Иванову первому—слава!
Позвольте, читатель, ведь вам известно,
Что оба работали честно??
Я до жутких стихов и поэм не охотник,
Уважаю кооперацию, обожаю госторги,
Но... Иванов первый был большой проф-работник,
А Иванов второй работал в Винторге!

Александр Флит

УСПОКАИВАТЬ, ТАК УСПОКАИВАТЬ!

Статс-секретарь Искусств, Редслоб в беседе с т. Луначарским высказал мысль о своевременности устройства в Германии выставки русской иконы, мотивируя это тем, что сейчас Германия нуждается в *успокоении*, а выставка икон, по его мнению, могла-бы с успехом служить этой цели.

Рис. Б. Антоновского

Приидите ко мне все трудящиеся, эксплоатируемые и обремененные, и аз успокою вы.

ПРИЧИНА И СЛЕДСТВИЕ

Рис. Н. Радлова

В Ленинграде на бирже труда нет ни одной безработной машинистки 1-го разряда. Ряд запросов учреждений остается неудовлетворенными.

„И посему“ все запросы *ее*, единственной и незаменимой, удовлетворены целиком и полностью...

КВАЛИФИКАЦИЯ

(В порядке дискуссии о семье и о браке)

Есть у меня, граждане,—Анна Федоровна.

Вроде родственницы.

Сам я не знаю, жена мне, или не жена. Покамест декрета не вышло, я остерегаюсь ее женой называть, потому что я—человек лой-яль-ный.

Просто—Анна Федоровна. И конец. Как хочешь, понимай.

— „У моей Анны Федоровны зубы болят“!

И все.

Бывает, мало знакомые люди поинтересуются:

— Кто это Анна Федоровна при вас?

— Родственница одна,—отвечаю. А сам глазами по потолку шарю.— Нет-ли, мол. боже сохрани, сырости?

Сестрица ее—моей Анны Федоровны—которая еще в 1908 году законным браком довоенной крепости повенчана, очень тревожится за нее.

— Нельзя, говорит, допустить, чтобы девица из нашего семейства Трюнтиковых на фальшивом положении при мужчине жила. Жена она вам, или не жена?

— Известно,—родственница!

— Нет, вы эти штучки-то бросьте! Вы прямо отвечайте: жена, или не жена?

— Как, говорю, декрет. Я человек лой-яль-ный!

Сестрица даже в Москву ездила хлопотать, чтобы декрет скорее выпускали. Узнавала она попутно—что следует понимать под словом „жена“.

Одни говорят—которая в загс ходила, регистрировалась.

Другие—которая, вообще, с вами в одной комнате живет, и примус у вас общий.

Третьи—которая алименты с вас получает.

Старушка одна так даже такое разъяснение сделала:

— Если, говорит, есть у нее законный муж, стало быть, жена. А в обратном случае—так, с левой стороны, от ракитового куста!

А пока мы решаем эти вопросы, в Ленинграде иные управдомы уже разъяснили, каждой женщине квалификацию дали:

Это—жена, это—содержанка, это сожительница, это—любовница.

И в страхкарточках так и отмечают:

— „На иждевении Ивана Колупаева 1 любовница, 1 бабушка и 2 детей равного пола“.

Ей-богу. Даже в газетах об этом писали.

У меня один знакомый управдом и у себя в доме завел такую же квалификацию.

— Как, спрашиваю, вы определяете? На глаз?

— Зачем на глаз? По специальностям. Если в регистрации—жена, хотя бы и на другой планете жила. Если без регистрации, а совместно, проживает, с пропиской, и про себя с ним говорит „мы“—сожительница. Если на другой квартире живет, и он к ней ходит—содержанка. А если она к нему ходит и лицо прячет под вуалью, и дворнику полтинники сует—любовница. Просто.

В самом деле, просто.

И теперь, когда все мне разъяснил знакомый управдом, выходит, что Анна Федоровна—сожительницей мне приходится.

Меньше жены, однако, побольше содержанки.

Так ее всюду и рекомендую.

Лой-яль-но будет, граждане,—как с вашей точки зрения?

Э. Гард.

А МЫ И НЕ ЗНАЛИ

Англиканский епископ Маннинг заявил что занятие спортом (до бокса, включительно вполне заменяет молитву.

„Нов. Вечерн. Газ.“

О, атлетический Мессия!
Ты нам осмыслил мир земной.
Недаром, чорт возьми, Россия считалась божьей стороной.
Народ спьяна дурил, балуя, аж стон носился над селом.
Что ни удар, то—аллилуйя.
Что ни „по морде“, то—псалом!
Иного волокли к острогу от развороченных ворот—не зная, сколь угоден богу его хмельной скуловорот.
Зато теперь запомним твердо и драчунам не скажем:
— Ша!
Где окровавленная морда—там и спасенная душа.
Заедешь раз в сопатку с силой, огреешь лихо вдоль спины— и десять „господи помилуй!“ тебе (готово!) зачтены.
Я стал на мир глядеть серьезней и храмы ставить в полцены.
Эх, братцы, нет религиозней:
— Шпаны.

А. д'Актиль

МОСКОВСКИЙ ГРИБОК.

Этот паразит является редчайшим насекомым-вредителем, к торый до сего времени не встречался в наших краях. Этот паразит, разрушающий деревянные части домов, открыт проф. Бондарцевым в фитопатологическом отделе Ботанического сада.

— И у нас обнаружился... в нашем доме.

— Трактор?

— Грибок этот. Паразит. В Питере его выдумали, а в Москве обнаружился.

— Грибок? Соленый или вроде машенки?

— Да уж господь его знает. Обнаружился.

— Да как это из Питера он до Москвы добрался? Ну, ты сама суди, мать моя, на чем поедет червяк.

— Так его ж профессор выдумал. Они все могут. И вчера на собрании у нас в домкоме три часа его пакости разбирали. А он хоть бы что...

— Известно, червяк. Все они паразиты.

— Дом у нас на Маросейке стоял. Лет триста он стоял—ничего. И вдруг этот червяк. Перво-на-перво, полисадник у нас слопал вчистую.

— Он только деревянное жрет?

— Это питерский, а наш все жрет. За полисадником забор огоревал. Искали-искали наши,—нет! Маленький он.

— Известно, маленьких в трубу рассматривают.

— Так он и трубы-то съел. Рассматривать не во что. И водопроводные съел и дождевые некоторые. Стояла труба самоварная у Панфиловича,—и ту слопал.

— Скажи на милость! Червяк—и такая в нем алчность.

— Так его-ж и называют «паразит».

— Ну?

— Вот и ну! Смотрим, от крыши ничего не осталось. Которые в верхнем этаже жили,—явс венно, конечно, в МУНИ, а им на грибка. «У нас, дескать, помещений нет, а есть только жилплощадь». Хотите на Триумфальную, хотите на Свердловскую...

— А холода-то теперь.

— Я и говорю. Смотрим, и до нашего этажа добирается. Что было лесного материалу, все съел.

— Ах!..

— Утюг у меня и то съел. Пальто мужнино съел. Коляску ребенкову съел. Одни полы остались. Вчера его и обнаружили.

— И-их! Много раздавили?

— Кого?

— Да червяков-то этих.

— Да как-же ты человека живого давить будешь? Нешто можно?

— Да гриб, говоришь?

— Ну, да, гриб! Гавриловны штабс-капитанши свекор. Домкомом-же он был у нас. Его и заарестовали. А про грибы-то только в газетах пишут. В Питере, дескать, грибы, а у нас Василий Петрович.

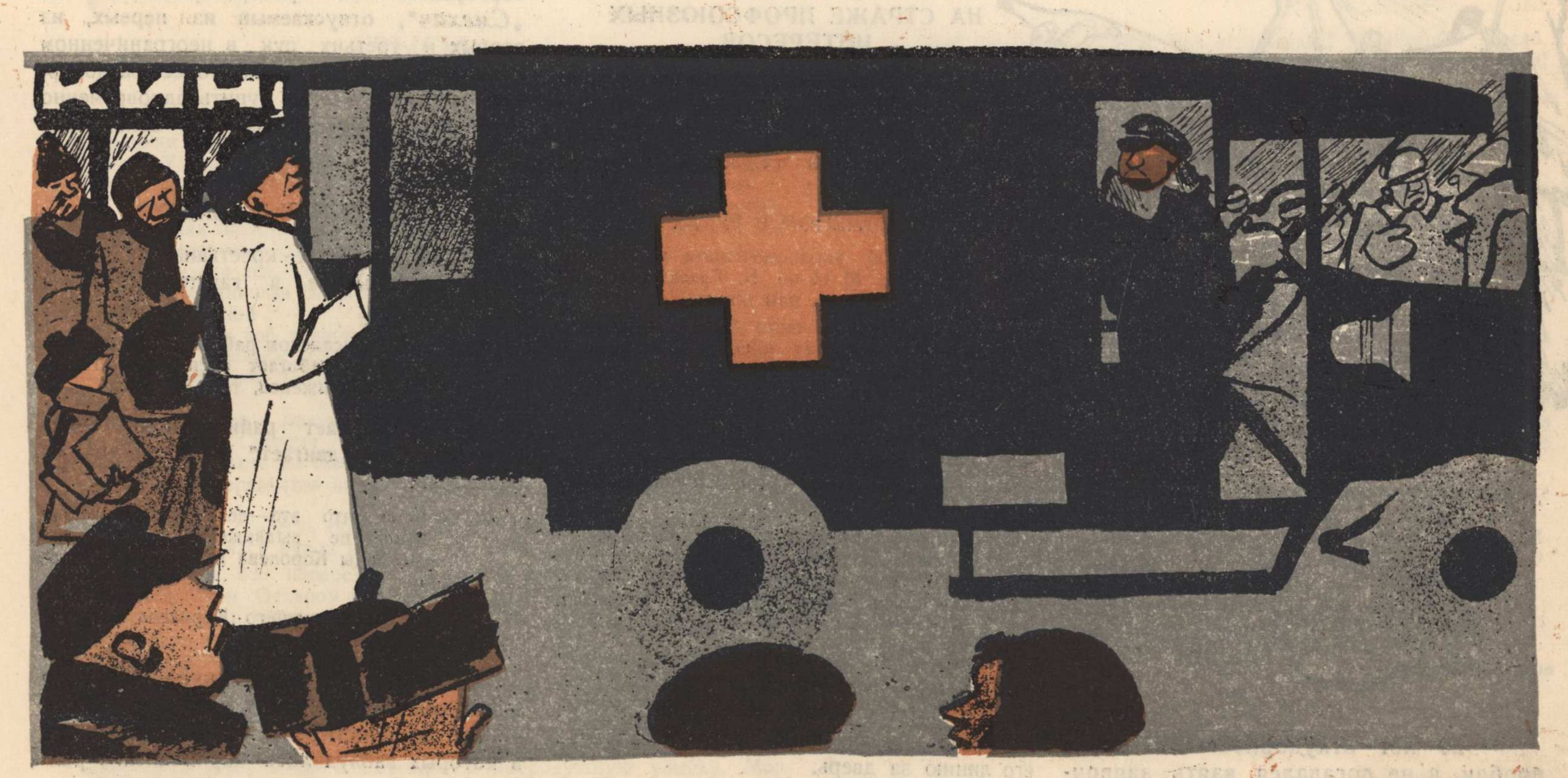
Евг. Деревенский.

КИНО-ТРАНСПОРТ

Рис. Л. Бродаты

ТУДА.

И ОБРАТНО.

СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР—СПЕЦИАЛЬНЫЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ

40 ЛОШАДЕЙ и 8 ЧЕЛОВЕК

БИВМ, ГОКХ И ПРОЧИЕ...

Бивм, читатели, по-русски — Большая Ив.-Вознесенская Мануфактура, а Гокх— Городской Отдел Коммунального Хозяйства. А вспомнили мы их по нижеследующему поводу:—

> Для лиц, проживающих в прикрепленных к БИВМ-ре домах ГОКХ'а, сооружена следующая инструкция.
>
> „Каждый, пользующийся квартирой, обязан соблюдать чистоту, тишину и спокойствие, не допускать пения песен, громких разговоров, ругани, драки, дебоширства, игры в карты, а также *хождения без надобности по корридорам.* Всякое хождение и пребывание в таковых разрешается только до 10 часов вечера".

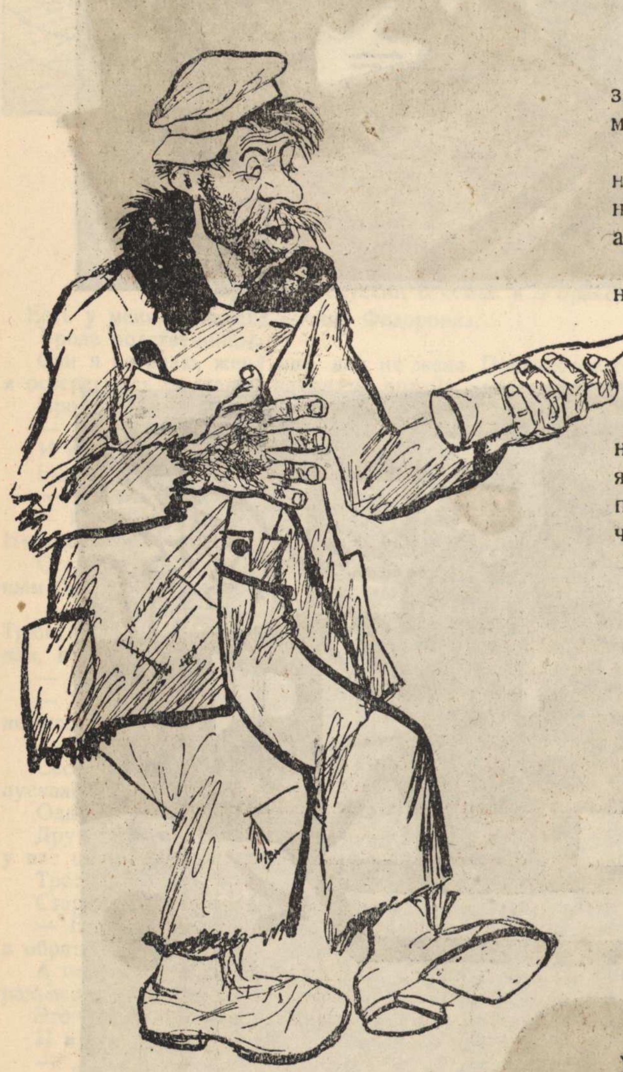
Ничего подобного, товарищи! Каждый сознательный рабочий и служащий, пользующийся квартирой, обязан не допускать граждан, которые безголовые, к расклейке и распространению инструкций. Это его главная обязанность.

А что касается всего прочего, в особенности—прогулки, то всякий гражданин имеет право хождения не только по корридору, но и по всему Союзу без ограничения времени!

ДОСАДНО

14-летний Сережа Вейнберг изобрел аппарат для откупоривания бутылок не портя пробок.

Рис. К. Рудакова. («Нов. Веч. Газ.»)

— 20 лет откупориваю не портя пробок, а не догадался взять заявочного свидетельства!

А С НАСМОРКОМ КАК ЖЕ?

Сообщает одна столичная газета:

> Главпрофобром утвержден список болезней, препятствующих поступлению в ВУЗ'ы. Не могут быть приняты в число студентов лица, страдающие туберкулезом легких (при наличии палочек Коха), сифилисом в заразительном периоде, органическим пороком сердца, пороками мочевых органов, сопровождающимися недержанием мочи, глухотой на оба уха, резко выраженными травматическими неврозами, тяжелыми и нервными болезнями *и прочее.*

Так-с... *И прочее...* Прощайтесь, граждане, с ВУЗ'ами, забудьте и думать о них! Схватили кашель, насморок или расстройство желудка,—пеняйте на себя, а начальство ткнет пальцем в „прочее" и разведет руками:

Так, мол, и так—согласно списка болезней, ходатайство отклонить.

Интересно, какие умственныей расстройства препятствуют поступлению в президиум Главпрофобра?

Очевидно—никакие!

ВЕЧЕР ПО-СИБИРСКИ

Рассказывает очевидец в Томском „Кр. Знамени":

> На днях помещение клуба арендовал на один вечер *строительный техникум* для постановки спектакля с благотворительной целью.
>
> *С благотворительной целью была разыграна четверть мадеры, которую, кстати, кто-то наполовину выдул раньше розыгрыша.*
>
> *Вечер завершился грандиознейшим скандалом с участием милиции.*

Очевидно, „очевидца" больше всего задела за живое проделка с четвертью мадеры.

Неизвестный гражданин прав: у администрации техникума не оказалось должной выдержки: вылакали, подлецы, мадеру, а водой долить не догадались.

Благотворительные вечера, товарищи, надо проводить организованно!

НА СТРАЖЕ ПРОФСОЮЗНЫХ ИНТЕРЕСОВ

Редкий пример неправильного хождения по профсоюзной линии в Казани являет собой некий гражданин Тат-республики, Пусков: в „Красной Татарии" читаем—

С ПОЛЕНОМ В РУКАХ

> Это об уполномоченном жилтоварищества д. № 14 по Б. Галактионовской ул., гр. Пускове, нам пишут.
>
> Гр. Пусков часто бывает пьян. И с поленом в руках носится за жильцами по темным лестницам. Горе тому, кого настигнет гр. Пусков, быть ему с окровавленной головой!
>
> За что же гр. Пусков так ненавидит своих соседей?
>
> *Только за то, что они не... печатники!*
>
> *Печатников гр. Пусков не трогает. Потому что он, видите ли, сам печатник и потому что дом, уполномоченным коего он сейчас состоит, принадлежал раньше печатникам.*

При таком нездоровом профсоюзном уклоне, единственный способ для жильцов сохранить голову—это, в первую голову, исключить главу дома, срочно выпрямив его линию за дверь.

Единство жилищных масс—залог успеха.

РЕКОРД ГОМЕЛЬСКОЙ БЫСТРОТЫ

В „Полесской Правде" читаем один из ж.-д. приказов по линии:

> — „Вследствие требования центра и т. д. и т. д., предлагаю, под личную ответственность ПЧ и ПК, представить технические отчеты за июль месяц к 3 ноября, за август—8 ноября, за сентябрь—к 15 ноября, за октябрь к 25 ноября, за ноябрь по новым работам—к 15 декабря; остатки материалов на 1 октября передать документально ХМО 15 ноября, переведя все количества в метрические меры и расценив их. Выполнить работу разрешается сверхурочно, сдельно и т. п., но с соблюдением законов об охране труда (*капитал приобрести и невинность соблюсти*). Сообщается об этом из *Управления 2 ноября, а на линии стало известно много позже.*

Управленцы довольны: свое исполнили, а на линии—ужас и паника: *как выполнить невыполнимое?*

Хорош рекорд быстроты! Недаром говорится—выше головы не прыгнешь; некоторое полесское ж.-д. начальство прыгнет чуть пониже, так как верхняя часть тела, не в пример задней, у него отсутствует.

ТРАГЕДИЯ ЖЕНСКОЙ ДУШИ

Трудно, тяжело, невозможно честной девушке, жене, матери, бабушке, купить себе пару галош в Сталинграде.

Почему?

> По данным инспекции Губвнуторга, местные торгорганы (*государственные и частные*) образовали между собой как-бы „особое соглашение", в силу которого *женские галоши отпускаются только при покупке обязательно* (вместе с галошами) *обуви*—женских или мужских ботинок, сапог и пр.

Передовая организованная, часть женщин, по слухам, выехала за галошами в Саратов, отсталые же слои покорно прикупают к галошам всякое принудительное барахло.

Спешим напомнить несчастным сталинградкам, что предрянное соглашение торгорганов не распространяется *на „Смехач"*, отпускаемый из первых, из вторых и третьих рук в неограниченном количестве, по цене в 15 копеек за номер, *без обязательства* купить одновременно резиновую соску, самовар или больничное судно.

ВЫДВИНУЛИ-ЗАДВИНУЛИ

О выдвиженцах - крестьянах находим нечто любопытное в газете „Сельская Правда":

> В Карпысакском райисполкоме, в качестве члена, работает беспартийный крестьянин-выдвиженец, тов. Королев.

Что же делает райисполком? Берет выдвиженца и „двигает" на ловлю хищников леса.

> Ясно, что это—дело милиционеров, а вовсе не выдвиженца - крестьянина Односельцы Королева недоумевают и говорят:
>
> — Скоро нашего Королева заставят в РИК'е пол выметать.

Согласиться с выдвижением Королева в лес можно только в одном скучае: если, кстати, он очистит лес от тех трех сосен, в которых заблудились карпысакские райпошехонцы.

БУТОН-д'АМУР

Занятные вещи рассказывает „Амурская Правда" (№ 1692). Речь идет о вовлечении беспартийного молодняка в работу. А „вовлекают" таким образом:

В клубе БИТД'а один вовлекатель, отвечая на вопрос вовлекаемого, бухнул:

— Мы беспартийную молодежь можем допустить к клубной работе *только с сожалением* (?)

Смущенные слушатели попросили разъяснения, каковое и не замедлило последовать:

...— Если мы будем всех беспартийных втягивать в работу, то они у нас всю работу отобьют"...

Покойный Николай 2-й обязательно написал бы сбоку:

„Прочел с удовольствием".

А мы—„прочли с сожалением".

„ПЕДАГОГИЯ"

В городе Галиче, по свидетельству газеты „Плуг и Молот",—

появилась „хиромантка" в лице *заведующей педагогической* частью, А. П. Сокольской, узнающей по рукам детей все:

— „Ну, Соколова, покажи руку. Ты гнилая—скоро помрешь. А ты, Егорова сегодня украла сахар; ты, Соловьева, тоже стянула лайковые перчатки"... и т. д.

Это что! „Смехач" еще ловчее может. „Смехач", не глядя на руку педагогички, на расстоянии в сотни верст, может прочесть, что у ней там изображено.

Только говорить неловко — не хотим обидеть женщину.

А начинается с буквы „глупо".

СВИНЬИ—ЛЮДИ—ОСЛЫ

Пишет корреспондент „Красного Знамени" из Мариинска (Сибирь)

На Алексеевской улице имеется одноэтажный дом, в котором живут свиньи. Дом, вполне пригодный для какой нибудь мастерской.

Коллектив безработных пимокатов давно подал заявление в РИК об отводе им этого помещения, но ответ один: нельзя.

Странное положение: свиньи — в доме, люди - на улице, а ослы — в РИК'е?!

ГРИМАСЫ НЭПА

Рис. Л. Бродаты.

— Ну, вот, спасибо Табтресту: поставил меня, наконец, на ноги!

КРЫСЫ

(И еще о том-же).

На базаре была, как всегда, толчея. Горшечники, замочники, мыльники и посудники тараторили враз, перебивая друг друга, точно лошади у финиша. У книжных лавок толпился народ. Около одной из них стоял гражданин в фуражке, по обличью купец, и торговался с книжником.

— Ты мне, милой, Толстого не тычь. Толстой, хоть мужик умственный, а им, кроме как мяса, ничего не завернешь. А если еще с предисловием гражданина Черткова,—так и вовсе не надо.

Книжник извивался, как ярмарочный змей, и предлагал:

— Извольте Николая Васильевича Гоголя. Веленовая бумага. Рисунки Самокиш-Судковской ..

Купец пощупал добротность бумаги, покачал головой и сказал:

— Ну, уж, давай уж пожалуй его пуда два. В Гоголя хорошо крупу вертеть.. А это что, Госиздатовское? И даром не надо: только на раскурку...

Купец обернулся к покупателям, показывая сочинения Пушкина.

— Александра Сергеич хорошо к соленым огурцам идет. В один лист обернешь и хоть до Москвы вези.

Он любовно перелистал пожелтевшие страницы с засаленными уголками.

— Хорошие у его есть стишки... Дай ты мне его пуда три... Ээ...

Вдруг спохватился купец и схватил книжника за рукав.

— Ты что ж это посередь Гоголя-то Уальда этого втюриваешь?. Нее.. Мы с этим Оскаром чуть в тюрьму не угодили. Завернули, понимаешь, масло в его, а он все буквы на его отпечатал... Скандал! Двадцать пять рублей штрафу...

— Достоевского не потребуется?

— Достоевского?

Купец в задумчивости почесал всклокоченную бороденку карандашом.

— Достоевского? Дай фунтов десять. Он к шинкованной капусте хорошо надобится... Аа...

Лицо купца расплылось в широкую и добродушную улыбку. Морщины у уголков глаз сузились и втянулись.

— Николай Семенович Лесков. Вот этто талант! Талантище!! Масло, мед, патоку в его завертываем... а что патоку? Сметану им обертываем! С-м-е-т-а-н-у... Вы нынешние, госиздатовские, нутка... Дай его всего!..

— Писемского?..

— Писемского?.. Не... не надо. Мылом не занимаемся, а он к мылу идет..

— Тургенева, Надсона, Салтыкова ..

Как ярмарочный змей извивался книжник, и заглядывал в глаза купцу. .

.. А рядом с базаром стояло серое здание архива. Серое и печальное и траурное. Старый хомяк, отец семейства, сидел в подвале среди развороченных дел и говорил крысам.

— Седни на улице газету подцепил Котлета, видать, в нее завернута была. Бо-ольшие новости...

Он пошевелил усиками и прочел огрызок из „Московской Правды":

„В Бобруйске естные торговцы скупали для обертки в огромном количестве сочинения классиков: Лескова, Чехова, Салтыкова-Щедрина Цена один рубль за... пуд. Предпочитают Лескова, так как он якобы „не пропускает масла..."

— Очень уж вы мамаша, чавкаете? - перебила чтение молодая крыса старую, евшую какое-то дело.

— Тсс.. вы—окрысился хомяк, отец семейства.—Чавкаете? Вот рас продадут на обертки всех классиков, пожалуй, и за наши дела примутся Тогда и чавкать нечего будет...

И вся семья дружно, хором принялась за завтрак: догрызать—

„Дело № 1234 от 31 июля 1799 года о награждении медалью почетного гражданина города Санкт-Петербурга, Ивана Ивановича Иванова".

Вл Тоболяков

ЛЮБИТЕЛЬ УДОБСТВ

Раздавленный трамваем: Ах, уж эта мне трамвайная давка!

СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР СПЕЦИАЛЬНЫЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ

В МОРОЗ

Рис. Н. Радлова

— **Гражданка, бу-будьте ддобры, передвиньте мне стрелку на 12—у меня руки озябли...**

СЛУЧАЙ С ГРАЖДАНИНОМ СУЧКИНЫМ

Человек я в летах: 42 года. А фамилия у меня—Сучкин. Нехорошая фамилия. По совести сказать—даже совсем паршивая фамилия. Но об этом—после.

С недавнего времени я, извольте видеть, на советскую службу поступил. Место, для начала, небольшое, но все-таки форма опять же, и публика тонкая попадается. Словом—кондуктором в трамвае.

Есть у меня, заметьте, приятель, Иван Кузьмич. В нашем управлении делопроизводителем служит. По 8 разряду и 10% нагрузки. Человек на виду и семьей не обременен.

Встретившись на прошлой неделе в пивной, бросает он мне в лицо следующие слова:

— Эх, Сучкин, говорит, работаешь ты при настоящей советской власти, а своего преимущества все равно не понимаешь!

— Как так?—спрашиваю.

— А очень просто, говорит. Революционный пыл народа все к чертовой бабушке перемети.л, а вместе с тем и имена довоенные ликвидировал. Можешь ты теперь, Сучкин, любую фамилию себе выбрать и ею законно прозываться.

Глубоко мне эти слова в душу запали.

Пришел я домой, стал ботинки разувать и говорю жене спокойно:

— Известно тебе, Дуня, кто ты есть?

А она глазами хлопает.

— Известно, говорит, Семен Алексеевич! Сучкина я, а в девицах—Сигова.

— То-то и есть, говорю, что Сучкина! А можешь быть, при желании, Мери Грант или даже Вальпарайзо. От советской власти разрешение имеется.

— По мне, отвечает, хоть Мария Антуанет. Лишь бы жалованье прибавили!

Рассердился тут я.

— Несознательная вы личность, говорю. — А удобно ли мне при современной моей работе такой фамилией называться. Разные улицы выкликаешь — Перовской или там Желябова и вдруг—Сучкин! Дура вы, баба, говорю.

Не стал я больше с ней спориться, а, разувшись, сел за стол и начал фамилии разные придумывать. Да только всякая чушь в голову лезет: Желтобилетников, Кооперативкин, Маршрутов, Алиментов.

Взял я тогда в отчаянии газетку, взглянул, и вдруг как осенило: Мак-Манус! И коммунист, и фамилия двойная, английская. Лучше не придумать.

Записал я себе в книжку, чтобы не забыть, и спать лег.

Утром, чуть свет, в районный исполком побежал.

Вижу, стоит внизу на лестнице человек мордастый, и лицо чистое.

— Разденьтесь, говорит, гражданин. У нас в пальте и в калошах не дозволяется.

Не стал я колбаситься, снял пальто, калоши. Ему передал и номерочка ожидаю.

— У нас, говорит, номерей не полагается. Я вашу личность персонально припомню!

Ладно. Пошел я наверх. Только через 10 минут обратно смылся. Потому—гони за фамилию 39 целковых, да 3 месяца жди. Гуляй, говорят, Сучкин.

Да. Смотрю кругом, гражданина моего нет нигде. Я да .е на улицу выглянул — может, человек оправиться вышел. Подождал с полчасика, потом снова наверх к барышне покатился.

— Где, говорю, гражданочка, швейцар ваш, который пальто оерет. Жду его, и нету.

— У нас, отвечает, служащие которые, те в шкапу вещи держат, а посетители, вообще, не раздеваются. Не иначе, говорит, как воровской поступок с вами произошел.

Не выдержал тут, взвыл я. Пальто новенькое, с 16 года. Да за шапку каракулевую на Сухаревском два-сорок плачено. Шибко заорал я—из всех дверей повыбежали.

— Эх, кричу, погубил ты, Ванька, мою жизнь!

Тут один гражданин подходит и сурьезно так спрашивает:

— Что вы этим, собственно говоря, сказать хотите?

— Ничего, говорю, особенного. Только, знал бы—не пошел!

Еще немного побузил и домой покатился. Спасибо, курьер кепку покрыться одолжил.

Так я Сучкиным и остался. *Ал. Нератов*

ПАМЯТНИК НЕРУКОТВОРНЫЙ

В Детском Селе у памятника Пушкина отвинчена и украдена чугунная шляпа. (Из газет.)

— Чугун и тот на что-нибудь полезен,—
Так, шляпу отвинтив, вор про себя сказал...

И долго буду тем народу я любезен,
Что чувства добрые я лирой пробуждал!

В. Финити

НОВЫЕ ПОГОВОРКИ

На то и трамвай в городе, чтобы пешеход не зевал.

С трестов по нитке—купцу магазин.

Душа кассира—потемки.

ВУЗОВЦЫ

— Почему ты боишься проходить мимо милиционера?

— Он, брат, может мои сапоги арестовать.

— Сапоги? За что?

— За попрошайничество. Каши они, прямо таки, нахально просят.

НОВОЕ В МЕДИЦИНЕ

На Кавказе самым распространенным средством при аборте у тайных повитух является... оружейный порох, принимаемый внутрь.

Рис. Л. Г. („Терек".)

Аборт по-кавказски.

ОБЫВАТЕЛЬСКОЕ

I. ГОРДЯКИН МАРОККАНЕЦ.

Гордякин, худой, с ввалившимися глазами, горевшими внутренним огнем, сидел против меня и рассказывал:

— Это не человек, а какой-то безчувственный камень! Вся моя стратегия, все ухищрения захватить противника врасплох, подействовать на его психику—разбиваются, как стекло об стену. Чего только я не перепробовал за последнее время! Ведь у меня не квартира, а сплошное Марокко. Это даже трудно рассказать—надо видеть.

Он взглянул на часы и поспешно вскочил.

— Ого! Мне пора. Сейчас он должен вернуться со службы, а я приготовил новую штучку. Хе-хе! Посмотрим, как он к ней отнесется! Знаете что? Едем сейчас ко мне. Вы будете свидетелем моей последней ставки. Если он и сегодня не сдастся, тогда всё пропало! Тогда, значит, нет никакой возможности выселить этого чорта! Тогда прямо хоть вешайся!..

За последнее время состояние моего друга внушало опасения, и я решил не оставлять его в эту критическую минуту.

Мы поехали. Дорогой, поминутно ёрзая в санях, Гордякин в десятый раз повторял мне все, что касалось положения на его внутреннем фронте.

Я опять услышал о вколачивании гвоздей с десяти часов вечера и до двух ночи—в стену, смежную с комнатой упорного жильца;— об электричестве на лестнице, которое тушится, едва только жилец попадает на лестницу; о турецком барабане, специалистом коего заделался Гордякин, чтобы коротать, преимущественно, те часы, когда жилец сидит дома.

И о многом другом услышал я—о том, что мне уже было хорошо известно.

— И представьте, не действует,—жаловался Гордякин:—В конце концов я уже сам устал, и, сознаюсь, сам начал обалдевать. А с него, как с гуся вода. Я начинаю бояться, что он, просто, уже привык. Вы знаете, ведь человек ко всему может привыкнуть. Может быть, когда я играю фортиссимо на барабане, он преспокойно дремлет или мечтает, не обращая внимания на этот ужасный гул, от которого у меня звенят уши.

Мы остановились возле дома, такого серого и обыкновенного снаружи и, вместе с тем, скрывающего такую страшную арену борьбы двух воль—квартирохозяина и жильца.

Как обманчива внешность!

— Осторожнее. Не становитесь на эту ступеньку—предупреждал Гордякин на лестнице:—она, хе-хе!—подвижная, чтобы тот черт споткнуться мог.

Затем мы вошли в квартиру. Гордякин побежал в комнату и оттуда зажег свет в передней: штепсель умышленно был перенесен в комнату, подальше от жильца.

Я поднял глаза и отшатнулся, издав крик ужаса.

На полу, возле вешалки, стоял большой серебряный .. гроб.

Гордякин самодовольно хихикал и потирал руки.

— Что? Здорово? Производит впечатление? Хе-хе! Это и есть моя последняя ставка!.. Жутко? Правда? А что же, разве я не хозяин квартиры? Разве я не имею права заводить вещи, какие мне нравятся, и ставить их в собственной передней?...

Я что-то бормотал, не оправившись еще от испуга. Как вдруг Гордякин вытянул шею, прислушался и, схватив меня за руку, повлек в комнату.

— Тссс. . Тише! Он идет. Сейчас! Посмотрим! Хе-хе!

Хлопнула дверь. Послышались шаги в передней и потом в комнате жильца. Ни крика, ни звука, который выдал бы испуг.

Глаза Гордякина потухли.

— Вот... Видите... Кажется, не подействовало... О, что за человек!

В тот же день вечером Гордякин звонил мне по телефону.

Он говорил голосом француза, только что разбитого на-голову марокканцами:

— Ужас! Ужас! Все пропало! Представьте, чем кончился гроб? Это чудовище попросило разрешения сложить в гроб свои книги и еще какую-то дрянь! Я пропал!...

Иван Прутков

Издатель: „ГУДОК" Ответственный редактор **А. С. Андрейчик**

Ленинградский Гублит № 8524. Типография „Инвалид Печатник", Ленинград, Улица Воинова, 26. Тираж. 70.000 экз.

ЕВЛАМПИЙ НАДЬКИН НА КОНЬКАХ

Рис. Б. Антоновского

1. Евлампий в первый раз на льду:
Ох, спорт введет его в беду!
Плывет, качаясь, горизонт...
На помощь, неизбежный зонт!

2. Но ветер—что за чудеса!—
Зонт обращает в паруса,
И тащит Надькина вперед –
А тот от ужаса орет!!!

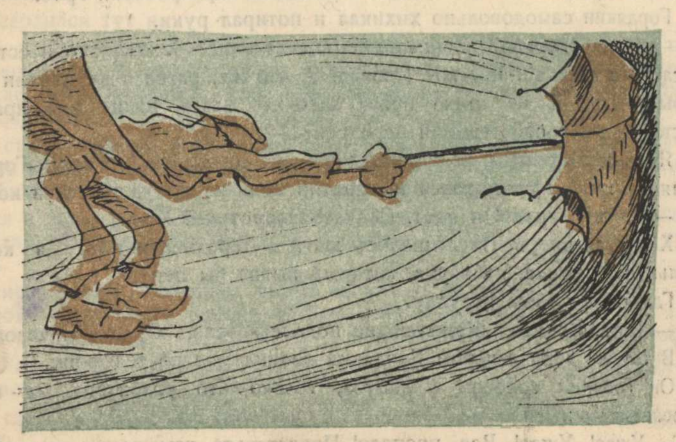
3. Каток остался позади.
Свистит в ушах. Щемит в груди.

Преград его полету нет.
Прости, шафран! Прощай, ранет!

4. Что ни порыв—то новый трюк:
За бабой—нэпману каюк.

И рысака пускает вскачь,
На смерть испуганный лихач.

5. Последний взмах, последний взлет—
Попал Евлампий в переплет:
Как быстроходный лимузин
Влетает с треском в магазин.

6. Но—чтобы виду, так сказать,
Перед чужим не показать,
Спокойно молвит из окна:
— Что стоит... эта... ветчина?